

Один из экспертов осторожно надавил на область между первым, вторым и третьим ребром, а затем приступил к управлению «Механической рукой». Устройство ловко взяло зонд с миниатюрной видеокамерой и медленно ввело его между вторым и третьим ребром Лин Цзыхана. По мере погружения зонда на большом экране рядом стало проявляться изображение внутренностей. Постепенно чётко обозначился объект, плотно прикрепленный ко второму ребру.

В комнате стояла тишина, нарушаемая лишь негромкими репликами специалистов.

— Медленнее, медленнее... Так, вот здесь... Держим.

— Похоже, всё в порядке.

— Угу, состояние стабильное.

Тун Юэ тоже молчал, пристально вглядываясь в изображение на экране. Объект был изготовлен из особого природного биополимерного материала, без единой металлической детали. Он участвовал в разработке этого секретного проекта, хотя и не знал, как именно планировалось его использовать. Судя по свойствам материала, он полагал, что его применят для создания специальных медицинских имплантатов.

Эксперты с предельной осторожностью приступили к следующему этапу:

— Ладно, приступим. Будем извлекать.

Их движения были отточенными. Они рассекли кожу Лин Цзыхана, извлекли крошечный прибор, вживлённый во внутреннюю поверхность ребра, поместили его в контейнер и быстро наложили швы. Вся процедура заняла считанные минуты.

Лишь тогда специалисты облегчённо выдохнули и молча развернулись к выходу.

Последний, уже на пороге, спросил Лин И:

— Шеф, вы с нами или останетесь?

Информация, содержащаяся в извлечённом из тела объекта, была слишком важной. Лин И замешкался лишь на мгновение:

— Я с вами.

Тот кивнул и вышел.

Лин И повернулся к Тун Юэ:

— Цзыхан на тебя. Прошу тебя.

Тун Юэ посмотрел на него. Всего за несколько дней его волосы из иссиня-чёрных стали совершенно седыми — словно он поседел за одну ночь. Вряд ли кто-то понимал мучения этого необычного отца лучше него. Встретившись с полным надежды взглядом Лин И, он твёрдо кивнул:

— Не волнуйся.

Лин И ничего не добавил, развернулся и ушёл.

Едва они покинули операционную, как туда хлынули врачи экспертной группы 643-го госпиталя и немедленно приступили к спасению пациента.

Когда наступило лето, Лин Цзыхан, пробывший в коме несколько месяцев, наконец медленно открыл глаза.

В палате было тихо, лишь медицинские приборы тихо гудели.

За окном ярко светило солнце, и, несмотря на плотные шторы, один настойчивый луч сумел пробиться сквозь щель, отбросив на стену резкую световую полосу.

Лин Цзыхан безучастно смотрел на эту полосу. Прошло немало времени, прежде чем он осознал, что в ушах больше не грохочет, а в голове не крутятся бесконечные мысли. Однако каждая клетка, каждый нерв в его теле по-прежнему ныли от боли. Всё тело казалось каменным, неподъёмно тяжёлым, он не мог пошевелить даже пальцем.

В коридоре раздались частые, беспорядочные шаги. Дверь распахнулась, и в палату ввалилась толпа людей, окружив кровать.

Лин Цзыхан оставался безучастным. Он продолжал смотреть на луч света. Перед глазами начали расплываться мутные круги, а в теле возникло тяжёлое, погружающее в пучину ощущение, от которого кружилась голова.

Тун Юэ заметил его взгляд и тут же с укором посмотрел на старшую медсестру:

— В чём дело? Я же говорил — никакого яркого света.

Младшая медсестра тут же подбежала и наглухо задернула штору. Луч исчез.

Но взгляд Лин Цзыхана по-прежнему был прикован к тому же месту на стене.

Тун Юэ с беспокойством наблюдал за ним. Глаза Лин Цзыхана были затуманены, в них плавали какие-то неуловимые, переменчивые тени. Он взглянул на электроэнцефалограмму — мозговые волны больше не были хаотичными, они выровнялись.

Он тихо позвал:

— Цзыхан, Цзыхан.

Потребовалась целая вечность, прежде чем этот голос пробился сквозь толщу тумана и достиг его слуха. Лин Цзыхан чувствовал себя растерянным, не понимая, зачем его зовут, но по инерции медленно закрыл глаза, словно давая знак, что услышал.

Окружавшие его врачи и медсёстры переглянулись, в глазах у них вспыхнула радость.

Тун Юэ мягко улыбнулся и протянул руку, чтобы прикоснуться ко лбу пациента. Лин Цзыхан вдруг содрогнулся всем телом, но не имел сил отстраниться. Тун Юэ заметил внезапный страх в его глазах и поспешно отдернул руку. Прошло много времени, прежде чем Лин Цзыхан едва успокоился.

Тун Юэ сказал ему тихо и ласково:

— Цзыхан, самая опасная позади. Теперь тебе нужно как следует отдыхать, хорошо?

Лин Цзыхан никак не отреагировал и снова закрыл глаза.

Тун Юэ вышел вместе с медперсоналом и ещё раз строго напомнил о правилах:

— При входе в эту палату — предельная осторожность. Никакого яркого света, никакого шума. И, за исключением необходимых процедур, — никаких прикосновений к пациенту.

Едва он вернулся в кабинет, как раздался звонок от Лин И.

— Он пришёл в себя? — спросил Лин И, и в голосе его слышалась лёгкая дрожь.

Тун Юэ, глядя на его изображение на экране, улыбнулся и кивнул:

— Да, очнулся.

— Он... как он?

— Думаю, сознание ясное.

— Он... что-нибудь сказал?

— Нет, нет, — мягко ответил Тун Юэ. — У него нет на это сил. Нам нужно набраться терпения.

— Конечно, конечно, я понимаю, — закивал Лин И. — Я могу его навестить?

— Можете. Но только, пожалуйста, не говорите с ним слишком много, — голос Тун Юэ был тёплым. — И не прикасайтесь к нему.

— Знаю, знаю.

Когда Лин И поспешил в госпиталь, Лин Цзыхан уже, измученный, спал.

Он долго стоял у кровати, сдерживая порыв прикоснуться к сыну. Прождав некоторое время и так и не дождавшись его пробуждения, он вынужден был покинуть палату и отправился искать Тун Юэ. Ему нужно было узнать о текущем состоянии сына и о дальнейшем плане лечения.

На самом деле Лин Цзыхан не спал. Ему просто было тяжело открывать глаза, и он лежал с закрытыми веками. В голове по-прежнему временами всё плыло и кружилось, а тело словно затягивало в стремительную воронку. Даже просто лежать без движения было утомительно.

Тело — какая обуза. Тяжёлое, как глыба, и неповоротливое.

Снаружи было слишком шумно. Казалось, даже далёкий смех и разговоры доносятся сквозь стены, и даже свет казался назойливым.

Он хотел выключить свет, заглушить звуки, отключить всё, но не мог пошевелиться. Совсем.

Холод, тонкими, змеиными струйками, просачивался сквозь щели в окнах и под дверь, медленно пропитывая его тело.

Ему было холодно. Холод пронизывал до костей, каждая клеточка тела сжималась от него.

Боль, вьедшаяся в самую глубь, не отпускала его, заставляя не желать пробуждения. Но кошмары, набрасывавшиеся на него, едва он засыпал, пугали ещё больше. Бесконечные,

невыразимые словами видения преследовали его, тащили в ужасающую тьму, и никто не мог помочь.

Медсёстры и врачи тихо входили, делали уколы, ставили капельницы, иногда отвозили его на обследование. Никто с ним не разговаривал, все вели себя крайне осторожно. Он и сам ничего не хотел говорить, да и слушать не желал ни единого слова.

Густые шторы скрывали смену дня и ночи, и он давно потерял чувство времени. Каждый раз, открывая глаза, он видел один и тот же свет, одни и те же предметы, вокруг гудели одни и те же приборы. Единственное, что менялось, — это доносившиеся извне, сквозь стены, далёкие голоса и смех.

Для него это были звуки из другого мира — приятные, полные радости, но не имевшие к нему никакого отношения.

Так он и существовал — в полудрёме, то просыпаясь, то снова проваливаясь в забытие. Иногда рядом кто-то был, иногда — нет, но ему было всё равно. Большую часть времени он лежал с закрытыми глазами, надеясь поскорее потерять сознание, чтобы больше не чувствовать боли.

Возле него постоянно дежурили Вэй Тяньюй и Лэй Хунфэй. Стоило им заметить, что он открыл глаза, как они тут же склонялись над ним и, улыбаясь, звали:

— Цзыхан.

Долгое время взгляд Лин Цзыхана оставался пустым и рассеянным, он словно не видел их и быстро снова отключался.

<http://bllate.org/book/16287/1468757>